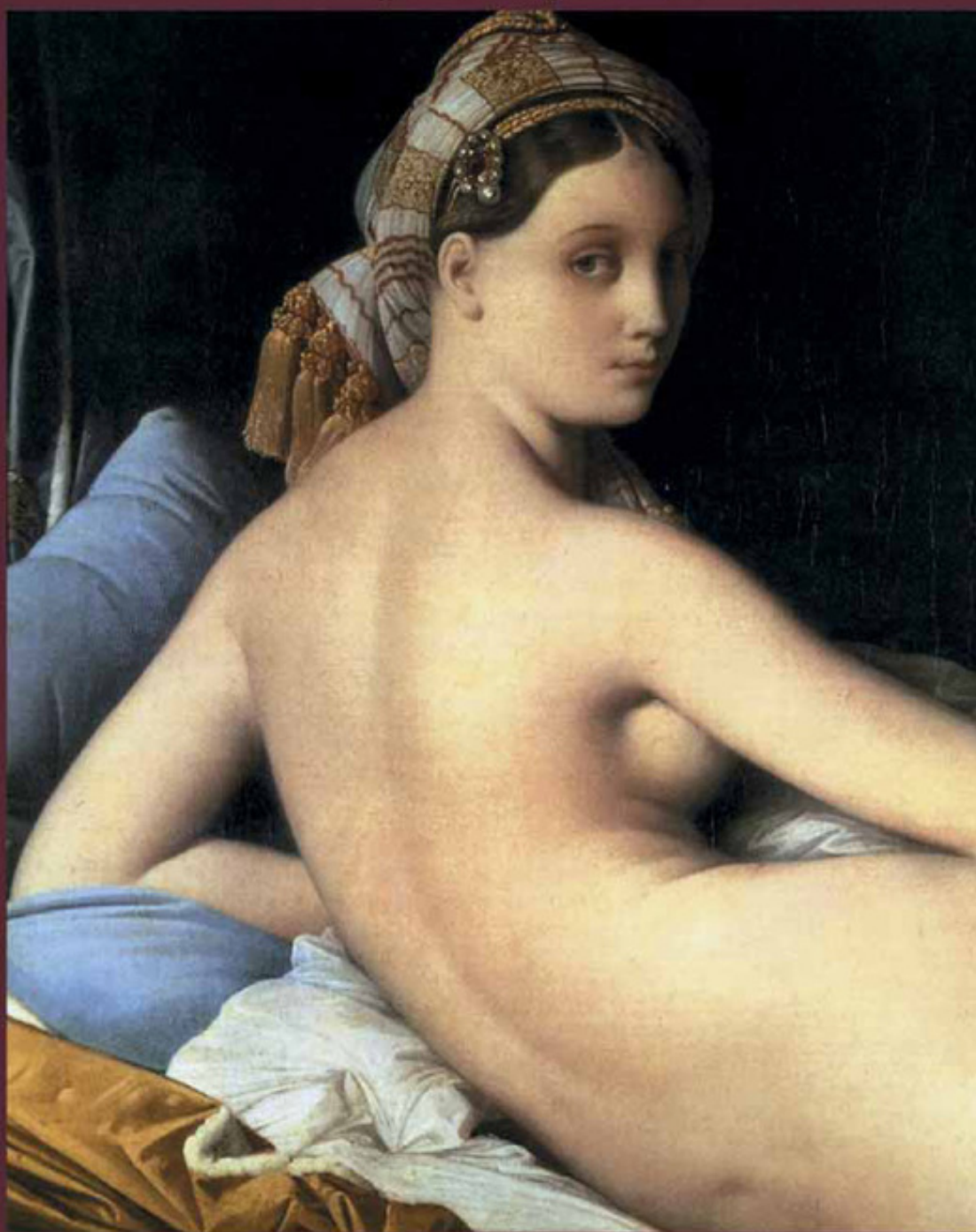

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

*Наполеон
и Мария-Луиза*

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Наполеон и Мария-Луиза

«Этерна»

Бретон Г.

Наполеон и Мария-Луиза / Г. Бретон — «Этерна», — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00059-7

«...Расставшись на вершине славы с той женщиной, которую с суеверной восторженностью называл “своим добрым ангелом”, император вручил свою душу и тело возненавидевшей его чувственной принцессе. Став марионеткой в опытных руках этой молодой женщины, которой удалось сделать для него свою постель самым упоительным полем битвы, за четыре года он потерял империю, которую создавал на протяжении целых пятнадцати лет непрерывной борьбы. Вот уже сто пятьдесят лет, как историки не могут найти ответа на один и тот же вопрос: побуждая властелина Европы изнурять себя любовными утехами, не следовала ли Мария-Луиза родительскому наказу? Историки утверждают, что император Австрии Франциск I дал своей дочери весьма определенные указания относительно того, что именно она должна делать, чтобы разрушить здоровье Наполеона. Неспособные его победить в честном бою, они стоворились одержать над ним победу через его постель. Таким путем враги самого великого полководца всех времен и народов нашли только единственное оружие для борьбы с ним – женщину...»

ISBN 978-5-480-00059-7

© Бретон Г.
© Этерна

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ги Бретон

История любви в истории Франции:

Т. 8. Наполеон и Мария-Луиза

Любовь – времяпровождение для праздного человека, развлечение для воина, подводный камень для государя.

Наполеон

Моим дочерям Катрин и Франсуазе

GUY BRETON
HISTOIRES D'AMOUR DE
L'HISTOIRE DE FRANCE

Старинная корсиканская пословица гласит: «Женищина сначала создает мужчину, а затем его уничтожает».

Эта народная мудрость как нельзя лучше подходит к истории жизни Наполеона I. Став великим человеком благодаря Жозефине и Дезире Клари, он был повержен во прах по вине Марии-Луизы.

Расставшись на вершине славы с той женищиной, которую с суеверной восторженностью называл «своим добрым ангелом», император вручил свою душу и тело возненавидевшей его чувственной принцессе. Став марионеткой в опытных руках этой молодой женищины, которой удалось сделать для него свою постель самым упоительным полем битвы, за четыре года он потерял империю, которую создавал на протяжении целых пятнадцати лет непрестанной борьбы.

Вот уже сто пятьдесят лет, как историки не могут найти ответа на один и тот же вопрос: побуждая властелина Европы изнурять себя любовными утехами, не следовала ли Мария-Луиза родительскому наказу? Именно так считают некоторые историки, любители копаться в архивах. Они утверждают, что император Австрии Франциск I дал своей дочери весьма определенные указания относительно того, что именно она должна делать, чтобы разрушить здоровье Наполеона. Неспособные его победить в честном, бою, они сговорились одержать над ним победу через его постель. Таким путем враги самого великого полководца всех времен и народов нашли только единственное оружие для борьбы с ним: женищину...

В самом, деле, ахиллесова пята Наполеона располагалась в довольно любопытном месте...

Глава 1

Когда Марии-Луизе было пятнадцать лет, она забавлялась тем, что «перерезала горло» Наполеону

Она была самой кроткой из всех маленьких девочек.
Симон Бувье

16 января 1806 года в гостиной дворца Шенбрунн, расположившись на ковре перед огромным камином, в котором, весело потрескивая дровами, плясал огонь, играли в деревянных солдатиков мальчик и девочка.

Эти дети заслуживают нашего внимания, и вот по каким причинам: прежде всего из-за толстой и немного отвислой нижней губы, которая досталась им от их прадедушки – самой непривлекательной внешности, какую можно себе представить, по странной иронии судьбы называвшегося Филиппом Красивым, – и была передана потомкам через Карла Пятого, а также потому, что они были детьми Франца I Австрийского.

В самом деле, речь идет о двенадцатилетнем эрцгерцоге Фердинанде и пятнадцатилетней эрцгерцогине Марии-Луизе.

Расставив своих солдатиков лицом друг к другу у противоположных стен комнаты, они уже были готовы начать великую битву, но в самый последний момент между ними разгорелся спор, каким войском придется каждому командовать: ни Фердинанд, ни Мария-Луиза не хотели командовать войсками французов.

– Мне нужны только преданные воины, но никак не кровожадные вершители революции, – сказала эрцгерцогиня.

Эрцгерцог парировал, что он рожден наследником императора и ему не позволительно предводительствовать ордами дикарей.

И сплюнул себе под ноги. Но девочка, взгляд голубых глаз которой внезапно изменился, придав ее лицу суровое выражение, твердо заявила, что она скорее откажется от игры, чем будет вести в бой «армию грубых неотесанных мужиков», разбивших под Аустерлицем войска ее отца.

В конце концов дети согласились вдвоем командовать австрийской армией, чтобы разбить в пух и прах французов.

Выбрав самого уродливого солдатика и нарисовав ему на лбу прядь волос, Мария-Луиза сказала:

– Вот он и будет у нас **корсиканцем**¹!

И как только она поставила фигурку, изображавшую Наполеона во главе полков противника, началась жестокая схватка. Унаследовав от своих предков горячий темперамент, принц и принцесса со всей решительностью повели свои войска в атаку на врага. Разгорелось сражение не на жизнь, а на смерть. Под градом шариков, камешков и кубиков «французы» были опрокинуты, сметены, уничтожены под воинственные детские крики. Этим детям явно не хватало, по правде говоря, одного: милосердия...

После того как были убиты все солдаты, представлявшие Великую армию, Фердинанд и Мария-Луиза, в состоянии крайнего возбуждения, продолжали топтать ногами, добивали раненых, разрывали знамена, расплющивали каблуками головы врагов.

И наконец, пришла очередь «корсиканца», которым завладела эрцгерцогиня:

– Мне кажется, он слишком легко отделался. Перережем-ка ему горло.

Взяв булавки со столика для рукоделия, она стала яростно вонзать их в глаза, нос и грудь солдатика².

– Чудовище! Чудовище! – кричала она.

Когда фигурка была уже вся покрыта булавками и стала похожей на ежика, девочка со всей силы ударила ею об стену...

Мария-Луиза питала ненависть к Бонапарту с самого раннего детства. Когда ей было всего пять лет, Великий консул представлялся ей людоедом. Позднее он стал для нее сообщником злодеев, приговоривших ее родную тетю Марию-Антуанетту к гильотине. А два месяца назад он превратился для нее в захватчика по той простой причине, что в ноябре 1805 года все члены императорской семьи были вынуждены покинуть Вену в поисках убежища...

И все другие, доходившие до нее сведения, никак не могли изменить ее отношение к «корсиканскому чудовищу», а скорее наоборот. Император Франц I регулярно получал из Англии цветные карикатуры на «маленького Бонапарта», на которых тот изображался тщедушным, уродливым и часто горбатым карликом во фригийском колпаке, помогавшим палачу на покрытом кумачом помосте гильотины разрывать Европу на части. Но самое худшее о нем она узнала позднее. Когда неукоснительно соблюдавшей все церковные обряды Марии-Луизе было двенадцать лет, ее благочестивую душу оскорбил поступок Бонапарта в Египте, о котором она узнала от матери. Вот, кстати, письмо, которое она написала по этому поводу в 1803 году:

«Мама сообщила мне название романа, который она намеревается заказать во Франции. Она считает, что книга „Плутарх юности“ уже знакомого нам по двум предыдущим книгам Бланишара о жизни знаменитых людей от Гомера до Бонапарта может оказаться для нас полезной. Я думаю, что если бы автор закончил свое произведение не Бонапартом, а Франциском II, совершившим великие деяния, восстановив Терезаний, то его произведение несомненно выиграло бы по той простой причине, что Наполеон в своей жизни только и делал, что творил несправедливости, отнимая у законных государей принадлежавшие им по праву престолы.

Мама мне рассказала о том, как после разгрома французской армии Бонапарт чудом избежал смерти с двумя или тремя приближенными, сделав вид, что переменял веру: „Не считайте меня вашим врагом, я мусульманин, – воскликнул он. – Для меня нет никого выше, чем великий пророк Магомет“. А по возвращении во Францию он снова стал католиком...»³

Своим цинизмом такой поступок не мог не возмутить Марию-Луизу.

И наконец, юная эрцгерцогиня неоднократно слышала рассказы людей, которым она полностью доверяла, что Наполеон колотил своих министров как простых грузчиков, раздавал пощечины провинившимся епископам, собственноручно казнил своих генералов, которые имели несчастье проиграть сражение...

Следует признать, что такие свидетельства отнюдь не внушали симпатии к Наполеону.

Ничего удивительного не оказалось в том, что Мария-Луиза в своем ребяческом задоре, ни секунды не колеблясь, предала злодея символической смерти.

Маленькая эрцгерцогиня, разумеется, не все свое время посвящала этим жестоким играм. Понимая, что настанет день, когда для укрепления международного авторитета Австрии ей придется выйти замуж за одного из монархов Европы, она училась всему, чем полагалось владеть принцессам: музыке, рисованию, верховой езде, игре в бильярд, хорошим манерам, языкам. Она могла объясниться по-немецки, по-английски, по-турецки, по-испански, по-итальянски, по-французски, чтобы иметь возможность беседовать со своим будущим супругом, откуда бы он ни был родом.

Однако, чтобы при заключении любого брачного договора можно было выдвигать свои условия и требования, Марии-Луизе представлялось необходимым сохранить девственность. Общение с кузеном, садовником, учителем, чреватое беременностью, нарушило бы планы дипломатов и изменило бы судьбу Европы...

Император, который на своем примере знал о горячем темпераменте, а также о плодовитости женщин австрийского династического дома, решил лично проследить за добродетельностью Марии-Луизы. И чтобы прелестное дитя не совершило непоправимой ошибки, пытаясь удовлетворить нездоровое любопытство, от нее постарались скрыть то главное, чем мужчина отличается от женщины...

Что требовало, несомненно, постоянных усилий. Фредерик Массон писал: «С предосторожностями, свойственными лишь казуистам великой испанской школы, окружение Марии-Луизы прибегло к ханжеским, если не сказать неприличным, ухищрениям. На птичьем дворе были только одни несущки и ни одного петуха; в клетках не было канареек-самцов, а в коридорах дворца нельзя было встретить ни одного кобеля – одни лишь суки. Из книг – и каких невинных произведений! – ножницами вырезались страницы, строчки и даже слова. Но цензорам было невдомек, что эти дыры наводили эрцгерцогиню лишь на странные мысли...»⁴

Вот почему, достигнув пятнадцатилетнего возраста, благодаря неправильной информации, плохо осведомленная в вопросах пола, будущая французская императрица наивно полагала, что ее отец был женщиной.

Однако австрийский император в действительности был самым настоящим мужчиной, обладавшим завидным темпераментом, которым он распоряжался с поистине императорской щедростью, не обходя своим вниманием ни одну особу женского пола, встречавшуюся у него на пути, лишь бы у нее была приятная внешность, хорошая фигура, высокая грудь и стройные ножки.

Император, неутомимый в своих поисках какой-либо смазливой субретки, дамы-компаньонки или, на худой конец, пышнотелой кухарки, с самого рассвета и до заката расхаживал по дворцу, озираясь по сторонам с видом хищника, выслеживающего свою добычу, которой он тут же, без лишних формальностей, демонстрировал свое мастерство.

Казалось бы, что к ночи он должен был валиться с ног от усталости. Но не тут-то было! К вечеру он только лишь обретал свою настоящую форму и входил во вкус. Со страстью молоджена он устремлялся в супружескую спальню, и его последний за день натиск с большим трудом приходилось отражать Марии-Терезии.

Бедная женщина не разделяла пылкого темперамента своего супруга. Подарив ему семнадцать детей, она скончалась при исполнении супружеских обязанностей. Ее похоронили 13 августа 1807 года.

Не прошло и девяти месяцев, как император женился на своей племяннице, прелестной Марии-Людвиге Десте, которая была старше Марии-Луизы всего на четыре года. Когда в Шенбрунн прибыла молодая мачеха, приходившаяся Марии-Луизе кузиной по германской линии, то молодую принцессу вначале охватило чувство ревности. Однако Марии-Людвиге удалось постепенно приручить юную Марию-Луизу. В конце концов молодые девушки стали неразлучными подругами. Они вдвоем собирали гербарий, танцевали, занимались рукоделием и учились рисовать пейзажи. Но в четыре часа пополудни эрцгерцогиня отправлялась полдничать на траве с дочерью своей гувернантки, а молодая императрица удалялась в спальню для выполнения странного супружеского ритуала. Она каждый день писала своему мужу письма крайне фривольного содержания, которые с большим удовольствием прочитывал на досуге император⁵.

Заполнив добросовестно четыре страницы непристойностями, вольными описаниями любовных сцен, сладострастными воспоминаниями, Мария-Людвика отправлялась к своей падчерице, с которой играла в детскую игру – в кошки-мышки...

В начале 1809 года Мария-Луиза и Мария-Людвика были вынуждены прервать свои мирные забавы, так как войска Наполеона в очередной раз приближались к Вене, и им при-

шлось в поисках убежища направиться в Вену. Именно там они узнали о результатах сражения при Эслинге, где было убито двадцать семь тысяч австрийцев. С той поры эрцгерцогиня не жалела крепких словечек и проклятий в адрес французского императора.

– Это же настоящий антихрист, – говорила она. – Кто же, наконец, избавит человечество от этого чудовища?

Каждый вечер перед сном она молилась, чтобы ее дяде, эрцгерцогу Карлу, удалось сокрушить Наполеона. Потом, уже лежа в постели, она с наслаждением мечтала о том, каким бы мучениям и пыткам она подвергла своего врага. Смежив веки и улыбаясь своим богам, она представляла себе, с какой радостью вырвет его глаза, вонзит ему нож в живот или же сварит его живьем на медленном огне. Воображая душераздирающие крики своей жертвы, она испытывала неизъяснимое блаженство.

Поражение австрийцев при Ваграме повергло будущую императрицу в уныние.

– Плакала наша корона! – повторяла, рыдая, Мария-Луиза.

Она еще не могла знать о том, что усилиями отца ей была уготована судьба спасительницы Австрии и что с ее помощью изменится весь ход мировой истории.

С некоторых пор император Франц I с большим интересом следил за секретными переговорами, которые велись между Парижем и Санкт-Петербургом о возможном браке между великой княжной Анной и Наполеоном, который, достигнув вершины своего могущества и славы, мечтал взять в жены принцессу, способную дать ему наследника и состоящую в родственных отношениях со всеми коронами Европы. Однако переговоры затянулись, благодаря вмешательству матери русского царя, которая ненавидела Наполеона. Узнав, что переговоры отложены, Франц I понял, что настал благоприятный момент бросить козырную карту, возможно последнюю, не дожидаясь полного краха Австрии. Если бы ему удалось выдать свою дочь замуж за Наполеона, то он смог бы предотвратить образование союза Франции с Россией.

Он решил поделиться своим замыслом с советниками, которые целиком его поддержали, а один из них, барон Брандау, заявил:

– Таким путем мы свяжем руки самому опасному противнику, которого мы не встречали еще со времен нашествия 1683 года...

Вскоре императору Австрии пришла в голову мысль, поистине достойная Макиавелли, которая впоследствии помогла Европе избавиться от ее пугала. Рассудив, что Наполеон, которому к тому времени уже перевалило за сорок, физически довольно поизносился, а Марии-Луизе только что исполнилось восемнадцать лет, и она отличалась крепким здоровьем и юной свежестью, Франц I решил, что в объятиях молодой и темпераментной (ибо исключительные любовные качества были присущи всем представителям австрийского дома) жены корсиканец неминуемо и быстро предастся сексуальным излишествам, которые окончательно разрушат его организм и приведут к развитию преждевременного атеросклероза мозга.

Когда он поделился своими планами с Меттернихом, последний воскликнул:

– Этот брак должен состояться как можно скорее!

В начале 1809 года Наполеон, не терявший надежды жениться на дочери русского царя, развелся с Жозефиной и официально объявил о том, что намерен взять в жены принцессу королевской крови...⁶

Пришедшая в смятение Европа со страхом задавалась вопросом: на ком остановит свой выбор император? Именно тогда ловкий Меттерних совершил удачный ход конем, пустив слух о кандидатуре Марии-Луизы. И вскоре он с большим удовлетворением прочитал письмо, полученное от господина Фахненберга:

«30 декабря, Ратисбонн

Известие о разводе императора Наполеона со своей супругой произвело здесь сенсацию. Все доводы, которые приводят в его оправдание, далеко не убедительны. Ведь даже Карл Вели-

кий, который по настоянию своей матери Бертрады развелся со своей первой женой Химиль-трудой, для того чтобы жениться на дочери короля Ломбардии Дидье, очень скоро раскаялся в этом своем жестоком поступке.

В зависимости от выбора супруги императором Франции изменится политическая ситуация. Одни считают, что он остановит свой выбор на ее императорском высочестве эрцгерцогине Марии-Луизе, другие полагают, что Наполеон женится на Шарлотте-Августе, наследной принцессе английского королевского дома, или на великой княжне Анне Павловне, а третьи претендуют на то, что невестой Наполеона станет королева Голландии⁷, после того как она официально разойдется со своим мужем».

К этим предположениям он добавил следующую приписку, заставившую улыбнуться Меттерниха:

«Первое предположение, возможно, является самым правдоподобным, так как соображения высокой политики подсказывают необходимость скрутить мирового разрушителя с помощью нежных любовных уз и родственных отношений. Несомненно, что Марии-Луизе придется нелегко – принести себя в жертву, которая может стать еще более тяжелой из-за неприятных воспоминаний. Однако благополучие австрийской монархии требует возврата завоеванных Наполеоном провинций в качестве свадебного подарка невесте».

Разумеется, что Мария-Луиза не была посвящена в намерения своего отца. Так, 10 января 1810 года, в то самое время, когда первые предложения о возможном бракосочетании со стороны австрийского дома достигли Парижа, она писала графине де Колоредо, своей подруге, вот такое наивное послание:

«Буда такой же город, как Вена. И здесь только и говорят что о разводе Наполеона. Я выслушиваю все разговоры, и они меня совсем не волнуют. Мне только жалко ту несчастную принцессу, которую он выберет себе в жены. Я уверена в том, что не стану жертвой политических интриг. В самых осведомленных кругах Вуды называют кандидатуры дочери принца Максимилиана Саксонского и принцессы Пармской».

Спустя несколько дней, читая газету, она с ужасом узнала, что ее имя упоминается в Париже как возможная кандидатура на роль невесты Наполеона, который, отказавшись породниться с русской короной, совсем был непрочь стать с помощью австрийской принцессы «племянником» Людовика XVI...

Дрожа от страха, она писала мадемуазель де Путе:

«Чтобы сделать подобное предложение, Наполеон слишком напуган, что ему откажут, к тому же он всячески старается причинить нам зло, а мой папа слишком добр ко мне, чтобы без моего согласия решить вопрос столь великой важности».

В течение всего последующего месяца Мария-Луиза, ничего не зная о переговорах с Францией, ведущихся за ее спиной, пыталась убедить себя в том, что слухи о ее браке с корсиканцем были всего-навсего выдумкой досужих журналистов. Каждый вечер она долго молилась о том, чтобы этот «ужасный» брак не состоялся, а она смогла бы выйти замуж за того человека, которого любила: своего кузена эрцгерцога Франца Австрийского. Однако ее мечтам не суждено было осуществиться. В феврале Меттерних сообщил ей о том, что он официально уполномочен Наполеоном просить ее руки у Франца I.

Бедняжка едва не лишилась чувств.

– Я содрогаюсь от ужаса при одной только мысли, что мне придется с ним увидеться, – сказала она. – Для меня такая встреча хуже любой самой страшной пытки.

Однако, подумав, она спросила:

– А какова воля моего батюшки?

Меттерних, посмотрев ей прямо в глаза, ответил:

– Он доверяет решение вам.

Но тон его ответа не оставлял никаких сомнений. Понимая, что ее личное счастье приносится в жертву политическим интересам, она, сквозь слезы, прошептала:

– Я поступлю так, как того желает мой дорогой папочка!

И с этого часа ее жизнь превратилась в сон наяву. 16 февраля в Париж было направлено сообщение о ее положительном ответе, а 23 февраля она уже получила от корсиканца первое любовное послание. 24 февраля состоялась официальная помолвка, а 4 марта в Вену прибыл маршал Бертье. 8 марта состоялась церемония передачи невесте миниатюрного портрета Наполеона, который в торжественной обстановке был ей повешен на шею, а 9 февраля Бертье и Меттерних уже подписали контракт, который был переписан с оригинала брачного контракта, заключенного между Дофином, будущим Людовиком XVI, и Марией-Антуанеттой. Вечером того же дня, чтобы вся Европа прониклась значением этого союза, по распоряжению Франца I давали «Эфигению в Эвли-де», а 11 марта в соборе Св. Этьена Мария-Луиза была заочно обручена с человеком, которого она ненавидела всей душой...⁸

13 марта она прощалась со своей семьей. И прежде чем подняться в экипаж, который должен был увезти ее в далекую Францию, которую она с детства невзлюбила, она, обратившись к своему отцу, произнесла загадочную фразу:

– Я постараюсь сделать все возможное для вашего и моего благополучия.

Остается до сих пор неразрешенным вопрос о том, посвятил ли ее Меттерних в коварный план, задуманный императором Францем? Некоторые историки отвечают утвердительно. Например, Жерар Деспо пишет, что «Мария-Луиза выехала во Францию с определенным заданием, получив от отца указание разрушить здоровье Наполеона, ослабить его силы и снизить его интеллектуальный потенциал, чтобы сокрушить его могущество и дать Европе свободно вздохнуть»⁹.

Получила ли на самом деле такие указания Мария-Луиза?

Никто уже об этом никогда не узнает.

Тем не менее остается неоспоримым тот факт, что на протяжении четырех лет она действовала в точном соответствии с планом, разработанным с коварством Макиавелли австрийским императором...

Глава 2

Первая брачная ночь Наполеона вызвала при дворе большой скандал

*Он все делал на скорую руку.
Мишле*

Пока в сторону Франции катили восемьдесят три кареты, перевозившие Марию-Луизу и ее свиту, Наполеон сгорал от нетерпения.

Каждый день он вызывал к себе офицеров, прибывавших из Вены, и устраивал им настоящий допрос, сопровождая свои слова выразительными жестами:

– А как у нее здесь?.. А как там?.. Ну, скажите же мне, скажите!..¹⁰

И, до крайности смущенные, несчастные адъютанты Бертье были вынуждены докладывать своему императору о том, где и как расположены у новой императрицы выпуклости, очерчивая руками в воздухе такие формы, которые потрясли бы воображение даже тибетского монаха...

Придя в восторг от таких благоприятных перспектив, Наполеон бежал посмотреть на себя в зеркало, задаваясь с тревогой вопросом, сможет ли он понравиться этой «прекрасной телке», которую любезно ему направил австрийский император.

Его так мучил этот вопрос, что он уже несколько недель подряд, стремясь вернуть ушедшую молодость, обливал себя духами, подкрашивался, принаряжался, бросил курить, стал напевать модные мотивчики, заказал себе новый, шитый золотом мундир и даже пытался избавиться от своего брюшка.

Время от времени он запирался в своем кабинете на целых два часа с Дюбуа, строго запретив себя беспокоить. Чем же были заняты столь великие люди? Возможно, они разрабатывали план военного союза? Или готовились к новой войне? Ничего подобного. Просто Дюбуа учил Наполеона вальсировать, чтобы покорить сердце Марии-Луизы.

Все эти странности Наполеона в конце концов стали достоянием гласности. Герцогиня д'Абрантес отметила в своем дневнике: «Наш Соломон в ожидании царицы Савской предался ребяческим забавам...»

Для этой юной женщины, с которой он даже еще не был знаком, но уже полюбил за то, что у нее было достаточно и «там» и «тут», он распорядился, чтобы заново отделали дворец Тюильри. Забросив государственные дела, он сам следил за ходом реставрационных работ и подготовкой апартаментов к приему новой государыни. Беспреданно вмешиваясь во все дела, он бегал, кричал, суетился, указывал, где и как надо расставлять мебель или поменять обивку. Дав волю своему воображению, он задумал устроить необычный будуар, в восточном стиле, где одна только обивка дорогими тканями, привезенными из Индии, стоила более 400 000 франков (120 миллионов старых франков).

Время от времени он вынимал из своего кармана миниатюрный портрет Марии-Луизы. Рассматривая его с поистине детским восторгом, он сравнивал ее изображение с медалью Габсбургов.

– О! Это истинно австрийская губка, – восклицал он, не скрывая восхищения.

И этим, как ему казалось, он еще больше приближался к Людовику XVI, своему новому дядюшке...

Получив шестьдесят пар шитых золотом тифлек, которые заказывал для Марии-Луизы, он, выбрав, на свой взгляд, самую красивую пару, принялся подбрасывать их в воздух. Призы-

вая всех присутствующих строителей, маляров, краснодеревщиков и лакеев восхищаться вместе с ним, он приговаривал:

– Посмотрите! Назовите мне хотя бы одну женщину, у которой была бы такая маленькая ножка!

В своей эйфории он был готов пойти на любые самые экстравагантные поступки, лишь бы обеспечить Марии-Луизе необыкновенно пышный прием. И когда ему доложили, что обойщики, которые занимались тем, что отделявали большую гостиную Лувра под церковь для освящения их брака, не знают уже куда вешать прекрасные картины, собранные там в огромном количестве, недолго думая, Наполеон распорядился:

– Пусть их сожгут!

К счастью, нашлись люди не столь скорые на руку, как он на свои решения.

Мария-Луиза даже и не подозревала о том, что ее приезд привел Наполеона в подобное смятение чувств.

Наблюдая, как за окнами кареты мелькают пейзажи Германии, она не могла преодолеть свой страх перед предстоящей встречей с женихом, несмотря на все знаки внимания, которые он ей ежедневно оказывал, посылая письма, подарки и дичь к ее столу.

16 марта под звон колоколов Браунау-на-Ине и грохот артиллерийских залпов ее торжественно «передали» из рук принца Траутмансдорфского в руки полномочному представителю Наполеона, маршалу Бертье. Став официально французской императрицей, Мария-Луиза со слезами рассталась со своими австрийскими фрейлинами, и ей представили ее новую свиту, состоящую из двадцати пяти статс-дам с язвительной и желчной Каролиной Бонапарт во главе.

Затем Марию-Луизу провели под триумфальной аркой, украшенной лентой, на которой правоверные горожане с присущим им простодушием начертали слова, полные неиссякаемого оптимизма:

Все беды любовь отведет и напасти,
Пусть нам она даст огромное счастье.

После чего она выехала в направлении Ульма, Штутгарта и Страсбура, в каждом из которых ее встречали с большими почестями.

Добравшись до Рейна, вдоль которого проходила естественная граница, отделявшая Германию от Франции, Мария-Луиза залилась горючими слезами. Когда ее карета пересекла на палубе корабля Рейн и достигла французского берега, она горестно воскликнула:

– Прощай, Германия!

Своим патетическим восклицанием она больше походила на увозимую в плен невольницу, чем на государыню, направлявшуюся к своему трону...

24 марта Мария-Луиза выехала из Страсбура под проливным дождем. Она проехала со своей новой свитой через множество французских городов: Луневиль, Нанси, Тул, Линьи-ан-Баруа, Бар-ле-Дюк, Шалой, Реймс, Силлери.

27 марта, выехав из Витри-сюр-Марна, она наконец, внимательно рассмотрев миниатюрный портрет Наполеона, впервые улыбнулась:

– А он неплохо смотрится!

Затем добавила:

– Мне так надоело ждать встречи с императором.

Каролина ей стала объяснять:

– Завтра вечером под Суассоном состоится ваша встреча с Его Величеством, там рядом с фермой Понтарше он стоит лагерем.

Мария-Луиза с глубоким вздохом произнесла:

– Неужели опять повторится церемония Броно?

Придя в полное уныние от подобной перспективы, она, откинувшись на подушки, стала с грустью смотреть, как по окнам кареты барабанит нескончаемый дождь...

На окраине крошечной деревушки Курсель, преградив дорогу, карету остановили два человека, неожиданно отделившиеся от церковной ограды, по самые брови закутанные в плащи.

– Стойте!

Кучер натянул вожжи, и карета остановилась.

Один из загадочных странников, более низкорослый, открыл дверцу кареты. С него ручьями стекала вода, а на глаза падала мокрая прядь волос.

Мария-Луиза, решившая, что на них напали разбойники, от страха побледнела как мел.

– Его Величество Император, – произнесла, поклонившись, Каролина.

И в самом деле, перед ними стоял сам Наполеон, который, не в силах больше сдерживать свое нетерпение, в сопровождении Мюрата выехал им навстречу из Компьеня.

– Мадам, встреча с вами доставляет мне большую радость, – произнес он.

Затем, решив, что знакомство состоялось, он, забравшись в карету, бросился к своей немного смущенной супруге, осыпав ее поцелуями.

– А теперь гони побыстрее в Компьень! – приказал он кучеру.

Лошади во весь опор поскакали вперед, минуя украшенные транспарантами деревни, где старосты, заготовившие заранее длинные речи, не успевали даже в знак приветствия взмахнуть рукой.

– Слава императору! – с восторгом кричали они, глотая пыль от колес промелькнувшего на полном ходу экипажа...

В Суассоне их ожидало большое застолье. Казалось, что все жители города вышли на улицу. Дети, размахивая флажками, скандировали:

– Слава императору!

Кортеж, с трудом проложив себе в толпе дорогу, скрылся из виду, ни на секунду не замедляя свой ход, оставив позади толпы раздосадованных суассонцев, некоторые из которых посмеивались:

– Первая брачная ночь, черт возьми! Можно понять, почему люди так спешат...

Их замечания стали бы еще язвительнее, если бы они увидели, как Наполеон, спустя несколько минут после того, как выехал за пределы города, остановил карету, велел Каролине пересесть в другой экипаж, а сам продолжил путешествие наедине со своей супругой...

Стояла глубокая ночь, когда экипаж, перевозивший Их Величества, остановился перед парадным входом замка Компьень.

Мария-Луиза, закутанная в длинный бархатный плащ, с шапочкой, украшенной перьями попугая, на голове, маленькими шажками и странно подпрыгивая, чем удивила встречавших, вышла из кареты.

Затем, все так же раскачиваясь на ходу, опираясь на руку Наполеона, она поднялась по лестнице.

Наконец они вошли в гостиную, где две маленькие девочки довольно неуклюже вручили ей цветы со словами приветствия, в то время как императрица не переставала с натянутой улыбкой переступать с одной ноги на другую.

После нескольких слов благодарности за приветствие все присутствующие увидели, как она, склонившись к одной из своих фрейлин, мадам Монтебелло, что-то сказала ей на ухо. Тотчас же фрейлина, сделав ей знак следовать за ней, нисколько не смущаясь ожидавшей представления императрице местной знати, быстро скрылась в глубине апартаментов. Увидев, как мимо проходит, прижав локти к бокам, их новая императрица, многие с сожалением вспом-

нили мягкие манеры и элегантность Жозефины. Привыкшим принимать членов императорской семьи за полубогов, им никак не могло прийти на ум, что Мария-Луиза всего-навсего и совсем банально направлялась в туалет...¹¹

Несколько минут спустя она появилась, улыбаясь и заметно повеселев.

Мадам де Монтебелло, раскрасневшись от волнения, воспользовавшись тем, что началось представление знати, поведала своим подружкам о том, что только что произошло с Марией-Луизой. И дворцовые дамы, гордые тем, что им доверили столь важный секрет, подумали, что новая императрица начинает свое правление довольно забавным эпизодом.

Когда закончилось представление и вся близкая ко двору знать готовилась перейти в столовую, где были накрыты столы, Наполеон, взяв Марию-Луизу за руку, проводил ее в спальню. Там их встретил монсеньор Феш, которого император тут же отвел к дальнему окошку.

– Считает ли церковь законным брак по доверенности?

– Да, государь.

– Значит, мы с императрицей законные супруги?

– Самые что ни на есть законные, государь!

Наполеон вздохнул с облегчением и широко улыбнулся:

– Спасибо!

Выпроводив вон епископа, Каролину, дам-компаньенок, он подошел к Марии-Луизе.

– С каким напутствием вас отпустили из Вены?

Молодая императрица слегка покраснела:

– Принадлежать моему супругу душой и телом и повиноваться ему во всем!

На этот раз Наполеон с удовлетворением потер руки.

– Вот и хорошо! – сказал он. – В таком случае раздевайтесь и ложитесь, я скоро к вам присоединюсь.

И, охваченный любовным трепетом, он отправился в отведенные ему апартаменты, чтобы снять мундир, принять ванну и надуться. Спустя четверть часа, накинув на голое тело халат, он появился на пороге комнаты Марии-Луизы.

Закутавшись по самый нос в простыни, молодая девушка, которая еще год назад ничего не подозревала о существовании мужского пола, забившись в угол кровати, старалась вспомнить то немного и неточное, что ей рассказали о первой брачной ночи.

Без лишних слов Наполеон скинул халат и одним прыжком оказался в постели супруги, которая тут же, по словам одного историка, поняла, что связала свою судьбу с человеком действия.

В то время пока Наполеон с присущим ему пылом давал императрице первый урок любви, приглашенные на церемонию гости томились в ожидании того момента, когда они смогут наконец сесть за стол.

Внезапно вошедший камергер объявил:

– Их Величества удалились!

Слова камергера вызвали всеобщее недоумение.

Всем показалось невероятным, что государи решили тайком поужинать в то время, когда их все ждут в гостиной. Кто-то из гостей спросил:

– Но где же они?

В этот момент в гостиную вбежал запыхавшийся генерал Бертран:

– Похоже, что они легли спать!

На этот раз все находившиеся в гостиной герцоги, герцогини, маршалы и бароны посмотрели в полной растерянности друг на друга. На памяти придворных еще не было случая, чтобы первая брачная ночь проходила с таким пренебрежением к этикету.

Поджав губы, все разошлись по отведенным им апартаментам. Но вопреки напускной суровости, которую они старались придать своим лицам, огоньки, загоревшиеся в их глазах, выдавали направленность их тайных мыслей...

«На следующий день, – рассказывает нам Констан, – когда император меня спросил, заметили ли присутствующие в гостиной нарушение программы, то я, с риском прослыть лгуном, ответил, что не заметили. В этот момент к императору вошел один из его приближенных, который до сих пор не был женат. Его Величество, потянув его за ухо, воскликнул:

– Мой друг, женитесь на немке. Это самые лучшие жены в мире: нежные, добрые, наивные и свежие, как розы.

По удовлетворенному выражению лица Его Величества было нетрудно догадаться, что он описывает портрет собственной жены, и было заметно, что художник только что отошел от мольберта.

Закончив свой туалет, император вернулся к императрице. К полудню он распорядился, чтобы фрейлинами Ее Величества им был подан завтрак на двоих рядом с кроватью, и до конца дня шутил и пребывал в отличном настроении...»¹²

Вечером он похвастался своим друзьям:

– Она это делала улыбаясь!..

Император был неистощим в течение всей брачной ночи, которая у него длилась целые сутки. Время от времени он делился впечатлениями о том удовольствии, которое получал, о продолжительности объятий и о девственности Марии-Луизы. Затем ему пришлось подумать и о делах серьезных.

29 марта свадебный кортеж выехал в Сен-Клу, где в присутствии двора прошла церемония гражданского бракосочетания, а 2 апреля под яркими лучами весеннего солнца император и императрица торжественно въехали в столицу.

Под восторженные приветствия трехмиллионной толпы Мария-Луиза вышла из кареты на Елисейских Полях и прошла пешком до площади Согласия. И на том же самом месте, где семнадцать лет назад была обезглавлена Мария-Антуанетта, родная тетка Марии-Луизы, французский народ аплодисментами встречал новую австриячку...

Далее кортеж проехал через парк Тюильри и проследовал в Лувр, где должна была состояться церемония освящения брака церковью.

В самом начале церемония была нарушена инцидентом: сестры Наполеона отказывались наотрез нести шлейф императрицы. Однако император быстро призвал их к порядку:

– Королева Неаполитанская! Великая герцогиня Тосканская! Княгиня де Боргезе, – воскликнул он, – после того, как всю жизнь таскали тяжелые корзины на рынок, можно, не уронив своего достоинства, понести императорский шлейф.

И церемония пошла своим чередом.

В течение трех недель Наполеон и Мария-Луиза проводили все свое время в постели, на диванах и канапе. Когда им показалось, что они уже немного познакомились, то наконец с улыбкой посмотрели в лицо друг другу. И тогда император решил отправиться с молодой женой в свадебное путешествие. 27 апреля они выехали из Сен-Клу и направились посмотреть на своих северных подданных: фламандцев, бельгийцев, голландцев. И, нежно прижавшись друг к другу, они посетили Сен-Кантен, Камбре, Валансьен, Брюссель, Антверпен, Брюгге, Остенде и другие города.

В одном крупном населенном пункте Голландии произошел довольно забавный эпизод. Местные муниципальные власти распорядились соорудить триумфальную арку, которую украшал транспарант с необычным приветствием:

Был прав наш шустрый молодец,

Ведя Мари-Луизу под венец.

Увидев эту надпись, Наполеон велел позвать бургомистра.

– Господин мэр, – обратился он к нему, – у вас в ходу французский язык?

Бургомистр покраснел:

– Государь, я немного пишу...

– А! Значит, это вы придумали... Вы нюхаете табак?

И император протянул ему табакерку, украшенную бриллиантами.

Бургомистр стал пунцовым.

– Да, государь, но мне так неудобно...

– Берите, берите, – сказал с улыбкой Наполеон. – Сохраните и табак, и табакерку на память. – Затем театрально произнес:

Когда отсюда вы табак возьмете,

Мари-Луизу, я надеюсь, помянете...

Вот уже несколько дней, как Наполеон был исключительно весел.

Императрица приписывала его хорошее настроение исключительно на свой счет, не подозревая о том, что ее муж радуется полученному известию о рождении Белевича Валевского, пухленького побочного сына, подаренного Наполеону Марией Валевской...

Глава 3

Мария-Луиза мешает Наполеону заниматься государственными делами

Она высасывала из него все соки.
Жан-Рене Мартино

Как известно, Наполеон отличался выдающимися организаторскими способностями. Во время своего путешествия по Голландии немало времени он уделил «подготовке будущего короля Рима». В определенные часы приглашая императрицу разделить с ним широкое ложе, он, как добросовестный пахарь, в поте лица своего всеми известными ему способами стремился засеять свое поле.

Такое усердие как нельзя пришлось по вкусу Марии-Луизе, которая в любви оказалась способной ученицей. Истинная дочь своего папаша, она за считанные недели превратилась в достойную партнершу, у которой всегда наготове находился неиссякаемый запас новых идей и утонченных приемов, что вызывало восхищение и безграничную признательность Наполеона...

В свою очередь, молодая женщина была благодарна императору за то, что он научил ее любовным играм, дающим высшее наслаждение, и, если ее давняя ненависть еще и не превратилась в любовь, то, по крайней мере, уступила место нежному соучастию, которое создает иллюзию любви. Она стала наделять его нежными прозвищами: Нана, Попо – или же называть его «Мой сердитый ухажер» и говорила дамам из своей свиты:

– Император слишком обаятельный и мягкий человек для такого закаленного в боях и опасного для врагов воина, каковым он является.

Такая же лакомка в постели, как за столом, Мария-Луиза заставляла Наполеона проводить бессонные ночи, что для главы государства оказалось слегка утомительным.

Следовала ли она, как утверждают некоторые историки, указаниям своего отца или же всего-навсего подчинялась зову своей страстной восемнадцатилетней натуры? Об этом можно только строить предположения.

Однако совершенно достоверным является то, что на следующее утро великий император появлялся на людях еле-еле волоча ноги, с потускневшим взором и головой, не способной мыслить. Естественно, что в таком состоянии ему было трудно сосредоточиться на делах государственных.

Несмотря на явное снижение умственных способностей, Наполеон не стремился обуздать свой любовный пыл, ибо его главной заботой в то время оставалось зачатие наследника. Считая, что основать императорскую династию для него гораздо важнее, чем нужды отечества, он произносил бездарные речи и диктовал бессмысленные письма, забегая семь раз на день в спальню императрицы.

Познав эту прелестную нимфоманку, император, давно проявлявший неумную склонность к любовным утехам, превратился в истинного сексуального маньяка.

«Сексуальные излишества, которым он предавался с Марией-Луизой, – писал доктор Пассар, – скоро привели этого мужчину сорока с лишним лет, до сей поры отличавшегося довольно умеренным темпераментом, в состояние почти непрерывного полового возбуждения. Такое болезненное явление поразило Наполеона как раз в тот момент, когда ему особенно был необходим покой и душевное равновесие для победоносного завершения своей императорской

миссии, он же стал рабом своих желаний, готовым бежать вслед за первой попавшейся юбкой, теряя голову от возжеления...»¹³

Его болезнь проявилась особенно явно в Голландии. В то самое время, когда Мария-Луиза побуждала его совершать подвиги, которые могли бы оставить без сил целый артиллерийский полк, он стал одновременно любовником прекрасной принцессы Альдобрандини и герцогини де Монтебелло...

Александр Махан сурово осудил поведение молодой императрицы:

«Даже в том случае, если она являла собой Цирцею или какую-либо другую злую фею, ниспосланную для того, чтобы освободить Европу от завоевателя и отомстить за смерть Марии-Антуанетты, – писал он, – то она не смогла бы действовать лучше.

Каким самым эффективным способом можно было привести Наполеона к краху? Изучив его характеристику, мы узнали за ним одну слабость: страсть к женищинам и недооценивание того пагубного влияния, которое они на него оказывали. В этом вопросе он слишком полагался на себя, вследствие чего претерпел много невзгод. Он не сумел остеречься женищины, ослепленный нимбом ее королевского происхождения. Эта женищина, опасность которой была видна даже невооруженным глазом, быстро нашла путь к его сердцу и, поселившись там раз и навсегда, использовала все свои женские уловки и аристократическое происхождение, чтобы полностью прибрать его к рукам, навлекая на него многочисленные неприятности. Ей удалось совсем нетрудно подчинить его своей воле и окружить со всех сторон врагами, вынуждая его ссориться с самыми лучшими друзьями и совершать необдуманные поступки, которые еще больше распаляли гнев его недругов.

Засыпая и просыпаясь в его объятиях, она постоянно повторяла одни и те же слова: “Весь мир против меня”»¹⁴.

Сознательно или нет, но Мария-Луиза делала все возможное, чтобы навредить императору...

Вернувшись из Голландии, государи, поселившись во дворце Тюильри, продолжали с прежним рвением готовить в постели будущего короля Римского. Подобные усилия были обречены на успех. В августе молодая императрица, покраснев, застенчиво объявила Наполеону о том, что она лелеет «прекрасную надежду»...

Император вскрикнул от радости и, не откладывая в долгий ящик, тут же назначил знатных особ, которые должны были войти в свиту маленького принца. Придворная жизнь на протяжении целых семи месяцев была полностью нарушена. Во дворце все сбились с ног, заготавливая колыбельки, пеленки, рубашки и чепчики, носочки и пустышки, игрушки и погремушки в количествах, которых хватило бы на родильные дома всех пяти частей света.

Наконец, 19 марта, после обеда, Мария-Луиза почувствовала первые схватки. С этого момента и до самых родов во дворце происходили самые нелепые и смешные сцены. Статс-дамы падали в обморок, врач дрожал от страха, лакей задел столик, где была расставлена стеклянная утварь, гвардеец из охраны был послан с приказом звонить в колокол собора Парижской Богоматери, а Наполеон решил принять ванну...

Всю ночь во дворце не спали. На рассвете к императору, который так и не покинул своей ванны, явился доктор Дюбуа, бледный и растрепанный.

– Ну?

В ответ доктор пробормотал что-то невразумительное.

Сбитый с толку Наполеон решил, что Мария-Луиза скончалась. Поднявшись во весь рост, совершенно голый, Наполеон произнес странную фразу:

– Ну и ладно! Умерла, так похороним!

Дюбуа удалось, наконец, сказать, что еще ничего не произошло, но если и дальше так пойдет, то придется применить щипцы.

Наполеон, сожалея о нечаянно вырвавшихся словах, произнес твердым голосом:

– Спасите мать! Если она останется жива, у нас еще будут другие дети!

Затем он отправился в апартаменты императрицы. Бедняжка, однако, так сильно кричала, что он закрылся в туалете, чтобы дожидаться, чем дело закончится.

В восемь часов двадцать минут криком еще более истощенным, чем все предыдущие, Мария-Луиза оповестила всех, что наконец разрешилась. Наполеон устремился в комнату жены и замер на пороге, пораженный представившейся его взору картиной. Среди всеобщей суматохи король Рима, предмет стольких забот, вывалился на ковер...

Увидев императора, мадам де Монтескью быстро подхватила младенца с пола.

Спустя два часа во дворце еще не закончилась нервная суматоха, и мадам Бланшар вылетела на шаре из Военного училища, чтобы оповестить города и веси о великой новости...

Рождение короля Рима, естественно, вдохновило сочинителей песенок. Некоторые из них в порыве радости не смогли удержаться в рамках хорошего тона. Например, повсюду распевали:

Новой розой увлечен
Был Наполеон.
Так о розе пекся он,
Что она дала бутон.

Один из сочинителей, поддерживая в народе легенду о сверхчеловеческих способностях Наполеона, написал:

В любви, как в бою, все ему по плечу,
Успехов он всюду добился.
Однажды сказал: «Сына сделать хочу!»
И вскоре сынок у него появился.

В этих хвалебных песнях была известная доля распутства, что доказывает вот такой куплет:

Все говорят, прекрасный сей ребенок,
Родившись, хохотал из всех силенок,
Что в мать в свою он выдался лицом,
А прочим всем был награжден отцом.

Что очень повеселило добрый народ Франции.

Жозефина узнала о рождении короля Рима в Наваррском замке под Эвре, где она поселилась по приказу Наполеона с того дня, когда Мария-Луиза объявила о своей беременности.

В тот вечер местный градоначальник давал ужин по случаю праздника святого Иосифа, неожиданно гости услышали пушечные залпы.

Когда прогремел двадцать второй выстрел, императрица, не скрывая своих слез, повернувшись в сторону своей первой статс-дамы, мадам д'Арбер, произнесла:

– Сын! Представляю, как счастлив император!

Затем, пока представители ее маленького двора, обгоняя друг друга, отправились в рабочее порыве поздравить Наполеона, Жозефина, поднявшись в свою комнату, написала самое прекрасное по стилю письмо, которое она после себя оставила:

Сир, среди многочисленных поздравлений, которые спешат к Вам со всех уголков Европы, со всех городов Франции и из каждого армейского полка, пробьется ли к Вам мой слабый женский голос? И соблаговолите ли Вы выслушать женщину, которая столько раз утешала Вас в трудные минуты, снимала печали с Вашей души, когда она желает лишь поговорить с Вами о том счастливом событии, которое является исполнением Ваших самых заветных желаний? Не являясь более Вашей супругой, могу ли я поздравить Вас со счастливым отцовством?

Мне бы хотелось получить известие о рождении короля Римского от Вас лично, а не от пушек Эвре, однако я знаю о том, что прежде всего Вы принадлежите государству и счастливой принцессе, которая оправдала Ваши самые сокровенные надежды. Она не может быть более преданной Вам, чем я, но ей удалось сделать Вас счастливым, обеспечив также и благополучие Франции. И, таким образом, она имеет все права на Ваши лучшие чувства и на Вашу заботу. Ну а я, которая была Вашей спутницей лишь в трудные времена, могу только надеяться на самый дальний уголок в Вашем сердце, полностью занятом императрицей Марией-Луизой. Только после того, как Вы поцелуете своего сына, Вы возьмете в руки перо, чтобы поговорить со мной, Вашей самой лучшей подругой...

Мне бы хотелось узнать, крепкое ли здоровье у Вашего ребенка, похож ли он на Вас и разрешите ли Вы мне когда-нибудь его увидеть. Наконец, мне бы хотелось, чтобы Вы отнесли ко мне с полным доверием, которое, как мне кажется, я заслужила своей безграничной привязанностью, которую я к Вам сохраняю до конца моих дней...»

В полночь в Париж отправился гонец с письмом Жозефины, а на следующий день она получила ответ императора:

«Друг мой, я получил твое письмо и благодарю тебя.

Мой сын крупный ребенок и весьма крепкого здоровья. Надеюсь, что он далеко пойдет.

У него мое телосложение, мой рот и мои глаза, надеюсь, что он оправдает возлагаемые на него надежды».

И, чтобы немного утешить свою бывшую подругу жизни, он добавил:

«Я, как всегда, очень доволен Эженом. Он никогда не доставляет мне хлопот...»

Последняя строка особенно тронула Жозефину. Она прочитала ее своей первой статс-даме, госпоже д'Арбер.

– Император еще меня любит! – воскликнула Жозефина. – Видите, как он добр ко мне, что упоминает об Эжене в письме о своем сыне, и отзывается о нем так, словно Эжен является нашим общим ребенком...

Разволновавшись от внимания, проявленного Наполеоном, она поспешила поделиться своей радостью и поплакать от счастья в комнату мадам Газани, бывшей одно время любовницей императора, которую она взяла к себе в камеристки, чтобы иметь возможность без всяких помех обсуждать с ней различные достоинства и таланты своего экс-супруга. И обе женщины еще долго с восторгом вспоминали волнующие моменты, когда Наполеон, изменяя то одной, то другой, приглашал их поочередно разделить его ложе...

После чего Жозефина отправилась к своему любовнику, молодому Теодору де Турпен-Криссе, звание камергера которого включало весьма обширный круг обязанностей...

Этот двадцативосьмилетний молодой мужчина был довольно талантливым художником, которого императрица взяла к себе на службу для оказания интимных услуг уже года два назад. Он косвенным образом оказался причастным к разводу венценосных супругов.

Графиня Кайльмансеге – очаровательный секретный агент императора – в самом деле написала в своих «Мемуарах» следующее: «Развод Наполеона с Жозефиной не перестает причинять мне довольно глубокое огорчение, хотя я знаю, что никакие политические соображения не смогли бы заставить императора пойти на такой тяжелый для него самого и для Жозефины шаг, если бы она вела себя по отношению к своему супругу в соответствии со своим возрастом и занимаемым положением.

Всего несколько человек были в курсе того, что в отсутствие императора и несмотря на искреннюю привязанность, которую она к нему питала, у Жозефины была тайная связь, что, впрочем, соответствовало ее привычкам, с одним из самых молодых камергеров ее двора, господином Турпен-Криссе.

Враги императрицы не упустили случая, чтобы довести до сведения Наполеона доказательства ее измены. Вполне вероятно, что это обстоятельство придало императору мужества заглушить угрызения своей совести»¹⁵.

С той поры юный аристократ повсюду сопровождал Жозефину, всегда готовый на любом диване или коврике предоставить ей то успокоительное для ее нервной системы средство, в котором она постоянно нуждалась. Она была столь пылкого темперамента, что мадам де Буйе в своих дневниках писала о том, что «порой ее заставляли с любовником в прихожей, гостиной или же прижатой к стене для равновесия»...

В начале 1810 года герцог Мекленбург-Шверинский попросил руки Жозефины, и господин Турпен-Криссе испугался, что потеряет свое теплое место. Однако императрице не хотелось терять средства, которые ей выплачивал на содержание Наполеон, и она выпроводила герцога с пустыми руками...

И тогда красавец Теодор последовал за дамой своего сердца в Мальмезон, Елисейский дворец, Наваррский замок, Женеву, Шамоникс, Экс. И везде он с большим усердием выполнял три или четыре раза на день сладостную работу, ради которой его и держали...

Такие усилия заслуживали поощрения. И в 1811 году Наполеон, знавший не понаслышке о темпераменте Жозефины, назначил сделать господина Турпен-Криссе имперским бароном...

Появившийся в 1816 году памфлет под названием «Тайный инструктор, или Картинки двора Наполеона» внес смуту в некоторые доверчивые сердца. Автор – анонимный – с поразительным знанием интимных подробностей описывал встречу Наполеона с Жозефиной в 1811 году.

Предоставим ему слово:

«В тот день, – писал он, – император прибыл без свиты в Мальмезон. Завидев его, Жозефина бросилась было ему навстречу, затем остановилась в глубоком волнении.

– Мне захотелось снова увидеться с вами, – произнес Наполеон, – чтобы сказать, что политика не заставила меня забыть о моей привязанности. Интересы моей династии обеспечены: теперь я могу отказаться от таких предосторожностей, которые оскорбляют мое достоинство, таким же образом как нарушают мой душевный покой.

Бывшие супруги присели затем на софу и предались общим воспоминаниям.

Не прошло и нескольких минут, как Наполеон, взглянув на Жозефину влюбленными глазами, произнес:

– Известно ли вам, что вы отлично выглядите?

Императрица грустно улыбнулась.

– О, я прекрасно знаю, что печаль и одиночество нанесли непоправимый урон моей внешности.

– Жозефина, вы ошибаетесь! Вы мне нравитесь еще больше, чем прежде. О! Если бы вы не были для меня запретным плодом!

– И что же?

– Но могу ли я по-прежнему пользоваться моими правами?

– От которых вы отказались!

– В которых я хочу снова восстановиться.

– Но я не могу этого допустить. Боже сохрани! А ваша вера? Ваши клятвы верности?

– Вера? Клятвы? Неужто вы верите этому вздору? Впрочем, не я ли был вашим супругом? Неужели я перестал таковым для вас оставаться?

– Но наш развод?

– Чистая формальность. Подождите минутку. Сейчас мы узнаем мнение богословов. Эй, Рустан! Нет ли там в прихожей кардинала и архиепископа? Как только вы их отыщете, немедленно приведите ко мне.

Не прошло и нескольких минут, как императору доложили об архиепископе де Малине и кардинале Мори. Жозефина прикрыла обеими руками покрасневшие вольно или невольно щеки.

– Проходите, господа, – обратился к ним император. – Прошу вас развеять сомнения Мадам. Считая, что развод лишил меня всех прав, она говорит о супружеской неверности, о блуде и прочей чепухе, которой раньше никогда меня не утомляла, лишь бы уклониться от выполнения своих обязанностей.

Кардинал Мори, опутив глаза, хранил молчание. Господин де Малине украдкой взглянул на зардевшуюся от избытка скромности Жозефину и тоже не произнес ни слова. Тогда потерявший терпение Наполеон воскликнул:

– Ну что же, господа ученые, мой вопрос оказался слишком деликатным для ваших целомудренных ушей?

– Сир, – произнес наконец монсеньор де Малине, – церковь!

– Здесь нет церкви! Церковь – это я!

Кардинал Мори с поклоном произнес:

– В таком случае, Сир, не будем обсуждать этот вопрос, раз ваша воля нам известна.

Наполеон в сердцах топнул ногой.

– Делайте, что я вам сказал, но не для меня, ибо я знаю, как мне следует поступить, а для Мадам, чтобы ее не мучила совесть.

Священнослужители вышли посоветоваться, но решить столь щекотливый вопрос они не успели, ибо спустя десять минут император неожиданно вышел из гостиной в одежде, застегнутой как попало, и, прерывисто дыша, объявил, что больше не нуждается в их решении...»

Нужно ли говорить, что подобный рассказ был чистой выдумкой. И в самом деле, разве можно представить, чтобы такая пылкая особа, как Жозефина, отказывала бы Наполеону из моральных принципов и чтобы он обратился к священникам, чтобы обсудить с ними свои сексуальные намерения?

Действительно, в такое трудно поверить.

Между тем нашлись историки, которые считают, что автор памфлета не погрешил против истины, и вполне серьезно утверждают, что Наполеон после женитьбы на Марии-Луизе продолжал интимные отношения с Жозефиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.